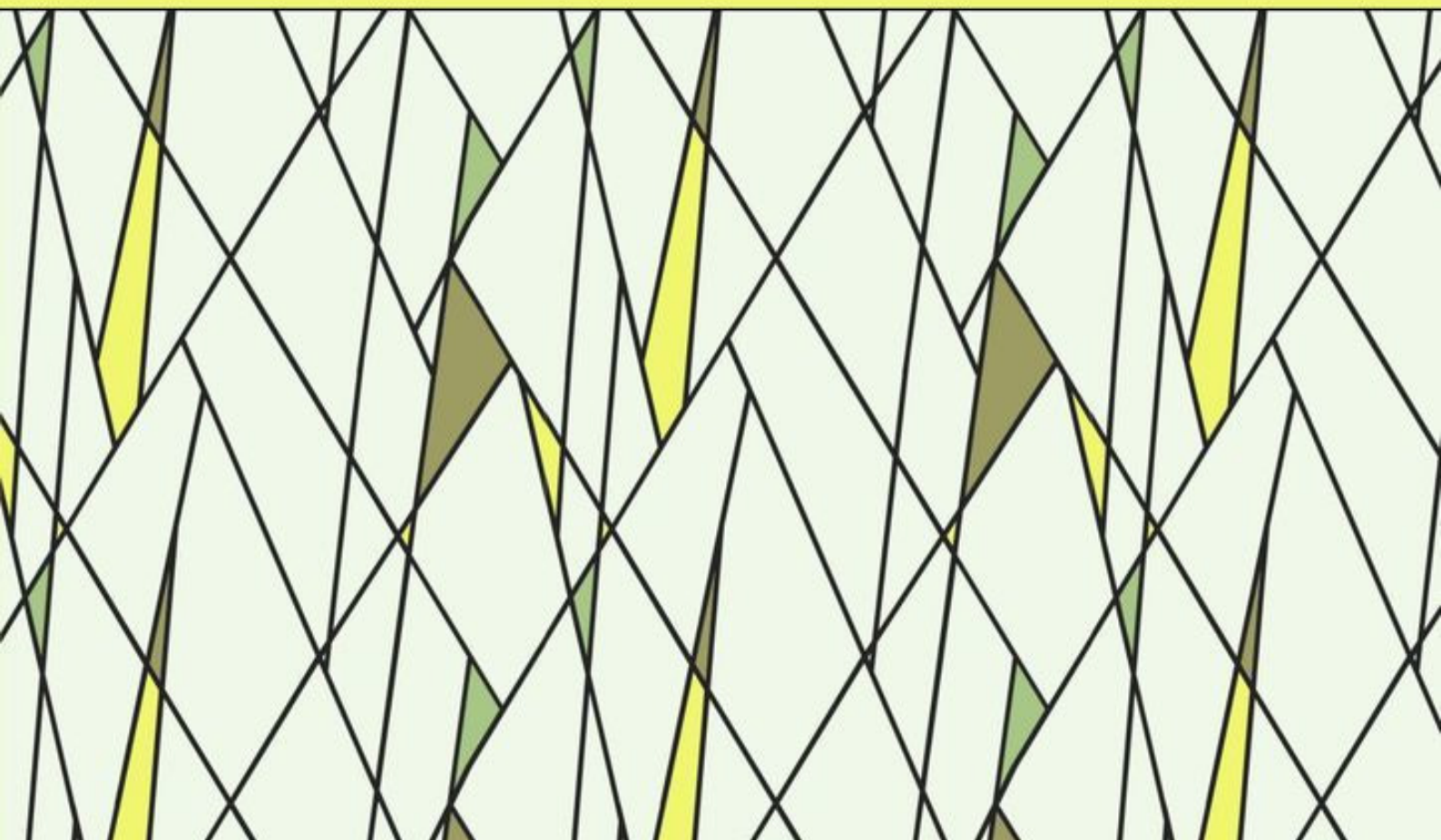

18+

Елена Геннадьевна Соколова

Стратегия судьбы

Из Советской действительности
в рыночную реальность

Елена Соколова

**Стратегия судьбы. Из
Советской действительности
в рыночную реальность**

«Издательские решения»

Соколова Е. Г.

Стратегия судьбы. Из Советской действительности в рыночную реальность / Е. Г. Соколова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-595274-5

Он и она выросли и встретились друг с другом в Ленинграде. Подготовленные с детства к жизни в Советской стране, оказались совершенно не готовыми к перестройке, в которой оказались в девяностые годы. Рухнули не только производства, но и понятия о том, что хорошо, а что плохо. Новая психология разорвала отношения героев повествования. В зрелом возрасте она встречает новую любовь, спасающую все ценности, которые были заложены в детстве.

ISBN 978-5-00-595274-5

© Соколова Е. Г.
© Издательские решения

Стратегия судьбы Из Советской действительности в рыночную реальность

Елена Геннадьевна Соколова

© Елена Геннадьевна Соколова, 2023

ISBN 978-5-0059-5274-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

История «Стратегия судьбы» начинается в Ленинграде. Факты студенческой советской жизни придают яркость всему сюжету.

Основные события разворачиваются в годы перестройки. Конец девяностых, начало двухтысячных годов.

Молодые люди, воспитанные в Советском Союзе и подготовленные для жизни именно в Советском Союзе, оказываются выброшенными в совершенно неизвестный им мир – капиталистический или, вернее, рыночный. В иную психологию.

Отношения болезненно разрушены, но жизнь дарит настоящее счастье в том возрасте, когда надеяться на что-то новое уже не осмеливаются.

Елена Соколова 89216458607

Санкт Петербург

СТРАТЕГИЯ СУДЬБЫ.

Сильный ветер не мог разогнать серые тучи, плотно окутавшие город.

Высотные дома хмурились, наглухо закрытыми окнами по обеим берегам многоводной реки, а сами берега были связаны широким каменным мостом, который безропотно удерживал на себе восемь рядов движущихся машин: четыре в одном направлении и четыре в другом.

Заняться пассажирам, оказавшимся в «пробке» было нечем, если только разглядывать друг друга и пешеходов, которые шли по специально отгороженной для них полосе – дорожке для тех, кто выбирает для себя лучше быстро идти, чем медленно ехать.

Среди шагающих по мосту выделялся своей воинственной походкой юноша в холодной заношенной куртке. Сильные порывы ветра били в лицо и трепали давно не стриженные волосы.

Юноша шел, ссутулившись и плотно сжав кулаки, настойчиво отказываясь воспользоваться теплыми карманам. Он, словно пытался противостоять самой природе и доказать всему миру свою значимость.

Валентина смотрела из окна автомобиля на этого озлобленного молодого человека, всегда готового к драке за свое «я» и воспоминания о своей собственной жизни захватили, как липкая паутина, исходящая из недр памяти.

Женщина положила свою руку на руку водителя. Обручальные кольца блеснули, выхватив ее из прошлого в подаренную небом новую реальность.

Толя, как всегда сидел возле экрана телевизора. За свои двенадцать лет все, что он смог узнать о жизни, он узнал именно из телевизора. Там были его герои и враги. Относительно увиденного в нем, мерил он поступки и ценности. Собственные сердце и разум не были натружены или натренированы на то, чтобы мыслить самостоятельно и фильтровать увиденное, вникая в характеры, окружение, обстановку, в которой персонажи телевизионных историй находились.

Это все равно, как если бы за столом съедать все, что подается и не различать где мясо, где овощи, где сладкое, где соленое. Просто еда.

Время было Советское и телевизионные передачи понятными, незамысловатыми и не разнообразными. По телевизору показывали правильных людей и рассказывали о правильной политике внутри страны. Все было очень понятно. Там. В телевизоре. Оно не вязалось с тем, что на самом деле происходило вокруг, но давало надежду на то, что есть смысл стремиться к лучшему, а лучшее это конечно же то, чем можно похвастаться.

– В магазин идем! Быстро собрался! – подскочила мать и заслонила собой экран, источник жизни.

– Мам, а ты мне купишь сапоги? Я в войлочных стесняюсь в школу ходить, – спросил Анатолий, стараясь настроить свой грубый, неровный подростковый голос под тембр, напоминающий нежность или хотя бы уважение. За глаза, в компаниях, во дворе и в школе мать была «мотыгой» и не более. Трудно было бы найти более подходящее слово для определения того, что чувствовал сын, слыша голос матери, долбящей его иссохший мозг, не пропитанный влагой понимания и уважения, как личности.

– Мы идем за рубашкой.

– Рубашку я старую еще могу носить...

Мать не позволила сыну закончить фразу:

– Или ты собираешься, или вообще ничего не куплю. Понял?

Голос матери, голос женщины звенел у ушах, пробивая черепную коробку и сотрясал мозг.

Мальчик беспомощно покорно поднялся с протертого дивана, застеленного дырявым пледом, вышел в прихожую, взял с вешалки пальто с оттянутыми карманами, надел его, медленно застегнул на все пуговицы, медлительностью пытаясь отомстить матери за свою беспомощность. Нахлобучил шапку из искусственного меха и обул ненавистные войлочные боты.

Толя был послушным мальчиком. У него не было выбора. Он просто не мог быть непослушным. Мама была взрослым человеком, а это означало власть.

Быть взрослым, это быть властным. Именно это уяснил для себя мальчик.

Мать торопливо одевалась в прихожей перед зеркалом и крикнула, засовывая под берет завитые локоны:

– А то, стыдно ему. Отец пропивает все. Где я тебе денег возьму? Хоть бы на еду хватило.

Мальчик преодолел робость и попытался возразить:

– Но ты же купила вчера себе платье. И рубашку сейчас будешь покупать, а сестре платье. Может, лучше сапоги?

Мать ударила кулаком по тумбе:

– Можешь никуда не ехать! Слышал?

Толя не покорно, но замолчал. Его сестра в этот момент наматывала на себя душный растянутый от неправильных стирок шарф. Наконец, все были готовы выходить.

Возле подъезда компания бабулек, сплетничающих на скамейках, брезгливо проводили взглядом прошедшее мимо них семейство.

К универмагу ехали на автобусе и Толя уселся как можно дальше от мамы и сестры. Мальчик буквально пожирал глазами проезжающие мимо автомобили. Грузовые и легковые, а особенно мотоциклы.

Его отец был водителем большого грузовика и любовь к машинам была заложена с пеленок. Машина это сила! Свобода! За рулем ты самый главный.

В огромном универмаге ДЛТ, то есть, Дом Ленинградской Торговли нарядные и красивые люди с деньгами вызвали восхищение. Они нарядные, радостные и красивые потому, что с деньгами. Анатолий всей грудью открылся настроению шумной толпы. Это счастье! Покупать. Мальчик горящими глазами смотрел на отдел с игрушками и на отдел со спортивными товарами. Мать взяла за руку и привела его в отдел детской одежды, где уже давно крутилась сестра.

Мама подошла к витрине:

– Смотри, какая рубашечка хорошая! – и выхватила с вешалки самую дешевую рубашку в горошек, – ее и купим.

– Мам, я не хочу в горошек, – пробубнил Толя.

– Тогда вообще ничего не куплю! В горошек – это красиво. Ты ничего еще не понимаешь. Ты, Ира, выбрала себе что –нибудь?

Сестра Толи перебирала вешалки с платьями и показала на одно, которое ей очень понравилось:

– Вот это платье мне хочется. Со складками.

– Нет. Мне не нравится.

– Но же буду его носить, а не ты, – хотела заплакать Ира. Она была старше Анатолия и могла себе позволить более настойчивое сопротивление.

– А стирать и гладить кто будет? И деньги плачу за него я. Или это вот, – мама вытащила темно синее платье с жутким воротником, – или вообще ничего. Все.

Покупки завернули у кассы в упаковочную бумагу. Теперь можно было усадить детей на скамейку в проходе и пробежаться по отделам, которые интересовали лично ее.

Домой вернулась счастливая. Детей одела и себе на сэкономленные копейки кое что прикупить смогла.

В провонявшей дымом кухне сидел папа в трусах, закинув ногу на ногу. Он докуривал папиросу. Худощавый, жилистый мужчина с остатками рыжих волос на висках. Увидев вошедшее в квартиру семейство, спросил хриплым голосом:

– Что? Опять ходили деньги мои мотать? Ну, показывайте, что купили.

Мама распаковала пакет с рубашкой и платьем:

– Вот. Детям же надо одеваться, – а детям скомандовала: – мойте руки и за стол!

На столе стояли тарелки с пюре и котлетами. Котлеты Толя не ел. Он их не любил вообще и мрачно разглядывал вилку.

– Чтобы все было съедено! – крикнула мама, демонстрируя своему мужу умение управляться с детьми.

Мужа это не интересовало. Он вышел в коридор, где принялся греметь пустыми бутылками, которые запланировал сегодня сдать. Толя поймал момент, когда на него никто не смотрел и наколот на вилку котлету, после чего быстро скинул ее на тарелку сестры. Ира тоже не любила котлеты. Вообще не могла их есть и скинула котлету обратно Толе в его тарелку.

Мама шумела посудой, демонстрируя папе свою занятость домом и не слышала того, что происходило у нее за спиной.

Толя снова воткнул вилку в котлету, а Ира рукой скинула котлету на Толину тарелку и Толя в ярости воткнул вилку сестре в руку. Раздался Ирин визг.

– Это что такое было? – мама увидела кровь и, дав хороший подзатыльник Толе, закричала: – откуда жестокость такая? Ты посмотри, что сделал, а? Сегодня не пойдешь гулять. Будешь пол мыть в квартире!

Толя заныл:

– Она сама виновата...

Мать ударила кулаком по столу и гневно проговорила:

– Как я сказала, так и будет! Все.

2

– Валенька, ты долго будешь еще у телевизора сидеть? – спросила мама свою десятилетнюю дочку,

– А что?

– Да так, ничего особенного, только сегодня к бабушке ехать собирались. Ты не забыла?

Девочка вскочила с дивана, выключила телевизор и побежала в свою комнату одеваться, по дороге выкикивая:

– К бабушке, к бабушке! Мамочка, что мне надеть? Я наверное вот эту юбку с пуловом надену, нет вот это платье с жакетом, или... Мама, что мне надеть?

– То, что не жалко коту отдать на растерзание. Ты же его с рук не спускаешь, а потом вся в шерсти кошачьей.

– Точно, точно, – запрыгала на одной ноге Валя, – я надену брюки и пиджак, а папочка с нами едет?

– Папочка твой уже с раннего утра у нее и твой брат тоже. Мебель новую собирают.

Когда Валя с мамой на автобусе приехали к бабушке, Валентина скинула лакированные туфли, пробежала в большую комнату и первым делом включила телевизор, чтобы не пропустить мультфильмы. Бабушка вышла из кухни и крикнула:

– Милая, ты так шустро мимо меня проскочила, что я и не разглядела ты ли это?

– Я. Это точно я! Скоро мультики начнутся! – весело крикнула из комнаты внучка и выбежала в прихожую.

Валентина повисла на шее у бабушки и спросила:

– А посуду в серванте я буду расставлять?

– Конечно ты. Я без тебя и не возьмусь за это дело. Перемыть уже все перемыла. Так что, как только папа закончит возиться с полками, так ты сможешь таскать посуду.

Валя вбежала в другую комнату, которая была меньше первой. Папа собирал здесь мебель и вкручивал очередной винт в стенку нового серванта. Дочка закружилась вокруг папы:

– Папочка, ну ты скоро уже сервант соберешь? Ты же с утра уже здесь. Неужели это так долго? Нужно было начать с серванта. А где Илюха? Почему он тебе не помогает?

– Доча, – взмолился папа, – пожалуйста, не мельтеши. Такая работа сложная. Почти ни одно отверстие не совпадает, пришлось просверливать новые. А Илья мусор понес на помойку.

Валя крикнула:

– А давай я тебе тоже буду помогать. Бабушка, а где кот? Ой, вон он где! Ну-ка, иди ко мне, толстый перекормыш. Так, папочка, ты мне будешь говорить, что тебе дать, а я тебе буду подавать, – с этими словами Валентина усадила возле себя послушного кота и сгребла все инструменты, разложенные на полу. Папа съежился и не естественно ласково проговорил:

– Отвертку дай, пожалуйста.

– Пожалуйста, – протянула дочка отвертку.

– Нет, не такую, а звездочкой.

Валя принялась перебирать инструменты. Папа спросил:

– Нету, что ли? Может, ворона унесла? – он сел на полу, скрестив руки и принялся терпеливо ждать. В комнату вошла мама и всплеснула руками:

– Ну, надо же! Сидит и ничего не делает. Мы помешать боимся, а он уже и руки скрестил.

Валя, наконец, нашла нужную отвертку:

– Вот эту?

– Вот эту, – вздохнул папа и принялся вкручивать винт в доску.

В квартиру вошел Илья и, скинув ботинки, направился в комнату, где трудился папа:

– Валя! Ты что тут все инструменты перепутала? Папе теперь не найти будет ничего.

Мы с ним раскладывали так, чтоб удобно было брать.

Валя испуганно захлопала глазами:

– А я папе подаю то, что он просит. Папа, я что все перепутала?

Илья прыснул:

– Ну, неужели папа признается, что ты, его любимая доченька что-то могла перепутать?!

– Папа! – крикнула Валя.

Илья подбоченился:

– Да, папа, ну- ка, кто тебе помог? Я тем, что разложил все инструменты как надо или Валя тем, что сгребла все в кучу и теперь подает?

Папа поднялся с пола и сказал:

– На самом деле, сначала мне помог Илья тем, что все инструменты разложил, а сейчас мне помогла Валя тем, что все инструменты собрала. Пойдемте поедем. Из кухни уж очень вкусно пахнет.

3

Семнадцатилетний Анатолий доучивался в училище на автослесаря. Сюда его определила мать. Во первых, давали стипендию, которую она у сына забирала. Во вторых, полностью одевали учащихся и обували. Это была конечно же одежда и обувь, которую приличный молодой человек на себя никогда не наденет, как только из бедности, в которой в Советском веке находились мало кто, но детали фасона маму Анатолия не интересовали.

Во время практики платили зарплату и с денег, которые Толя получал, мать отбирала тридцать процентов каждый месяц, заявляя, что по закону сын обязан матери отдавать эти проценты за то, что она его вырастила.

Но случалась халтура и кое какие деньги получалось от мамы припрятать. Наконец – то, со своими собственными деньгами в кармане Толя мог сам покупать себе в магазине то, что считал приемлемым. Даже заказал себе в ателье брюки. Стильные, модные со шлевками и с карманами на кнопках.

Все свободное от учебы и практики время, Анатолий болтался по квартирам своих бывших одноклассников, с завистью наблюдая за отношениями в их семьях и, наслаждаясь чистотой и порядком в их квартирах.

Поздними вечерами просиживал с приятелями в беседке детского садика, который располагался во дворе. Находиться дома желания не было.

В один из обычных зимних вечеров друг Валера пришел с девушкой:

– Это Валентина. Она для меня как сестра родная. А может и дороже. Так, что кто посмеет обидеть, тому достанется.

В одном классе с Валентиной училась младшая сестра Валеры. Через нее они и познакомились когда- то. Никаких симпатий и намеков на любовь. Просто дружили.

Анатолий, что-то странное почувствовал, когда протянул руку Валентине. Он так взглянул на нее, что девушка не смогла этот взгляд стереть из памяти. Это было нечто совершенно особенное, отличное от того, что чувствовала она в компаниях парней. Валя почувствовала, что произвела впечатление очень и очень сильное. Именно это приняла за особенность среди всех встреч и знакомств.

На самом же деле своей независимостью и счастливостью она взбудоражила в Анатолие затаенные, не развитые чувства мужественности и жажду свободы.

Даже не так, а, правильнее сказать, взбудоражила она желание быть мужественным и свободным. Толя всем своим духом прилип к девушке, как младенец прильнул бы к молочной

грудь матери, чтобы добыть для своего организма и характера то необходимое для жизни, чего недостает ему, чтобы чувствовать себя мужчиной.

Валера пошутил:

– Ну, ка, Валечка, посмотрим, насколько ты была внимательна. Назови по имени каждого из тех, кого я тебе только что представил, – и, скрестив на груди руки, с интересом приготовился услышать ответ, но Валя пожала плечами:

– Я привыкла не держать в памяти то, о чем всегда смогу переспросить.

Голос. Ее голос был непередаваемо очаровательным. Низкий, ровный, чистый. Слова проговаривала, словно читала по написанному.

Ребята с восторгом приняли такой откат и дружба завязалась. Теперь ни один вечер нельзя было считать сложившимся, если в беседку не пришла Валя. Для Анатолия каждая встреча с этой девушкой становилась мощным ударом киркой об иссушенную землю сердца, где очень глубоко находился родник, до которого нужно невероятным трудом докопаться.

Валя замечала, что парень около нее теряется и приняла это за хороший знак, за настоящее сильное чувство.

А заснеженный двор был отличным местом для – почистить ковры. Сразу несколько человек из разных домов трясли, колотили, засыпали ковры снегом и снег с ковров счищали вениками.

Толя набрался смелости и позвонил в квартиру Вали. За дверью послышался собачий лай, а когда дверь открылась, большая черная гладкошерстная собака просунула морду, вынюхивая кто это там на площадке. Лохматый Илья взглянули на Анатолия:

– Ты к кому и чего тебе?

– Валю позови, – нужно было действовать решительно, чтобы не упустить свое счастье.

– Сеструнчик! К тебе. Только имей ввиду, что он со мной даже не поздоровался.

Валя в джинсах и в клетчатой рубашке вышла из своей комнаты.

– Привет! – сказала она с удивлением в голосе.

– Привет! – ответил Толя, оценив прикид девушки. Джинсы такие в Советском мире купить было невозможно.

– Сегодня масленица. Поедем прогуляемся?

– Далеко это? – уточнил Илья.

– По всей стране, – ответил Толя, намекая на то, что он здесь лишний.

– Валенька! – вышла из кухни мама, – одевайся тепло. Здравствуйте, молодой человек, и поешь.

– Здравствуйте, – очень мило ответил Анатолий хозяйке квартиры и расположился в кресле, которое стояло в прихожей. На полированном журнальном столике лежали журналы. Стены в прихожей были оклеены обоями с блестками. Над креслом висели бра и свет от них отражался в блестках, зажигая искры радости в душе, праздника. Толя ревниво вслушивался в голоса, доносившиеся из кухни. Валя и Илья завтракали.

Валентина поинтересовалась у брата:

– Куда сегодня двинешься?

– Позвали на день рождения. Им не я нужен, а чтобы на гитаре кто-то побрякал.

– Будешь брякать?

Илья не ответил, а спросил:

– Ничего, что это мой был бутербродик?

– Который? – наигранно растерянно спросила Валя.

Илья:

– Которого уже нет. Ты, хоть бы, спасибо сказала за то, что я его так вкусно сделал.

– А, может, это не я его съела.

– Ворона унесла?

– Ну, да. Еще сделаешь?

Илья:

– С ветчиной?

– Да. А откуда у нас такой кофе?

– Знакомый подарил.

Валя восхищенно проговорила:

– А-а-а. Ну, ты береги подарок-то.

Илья вернулся к бутерброду:

– А за бутерброд где спасибо?

– Спасибо! – вежливо ответила Валя, – я побежала. Успехов тебе в твоих бряконях.

Девушка прошла через прихожую в свою комнату и скоро вышла в тех же джинсах и в пушистом белом красивом заячьем полушубке, сообщив о своей готовности выезжать.

Весело выскочив из квартиры, парочка бодрым шагом направилась к автобусу, который шел до ближайшей станции метро. Ощущение легкости и чистой радости переполнило Анатолия после того, как он побывал дома у Вали. Это самое лучшее о чем можно было мечтать.

Снег кружился и падал на землю. Лучи солнца скользили по снежным сугробам, искрясь в них, словно заигрывая с прохожими.

Прохожие в ответ подхватывали снег руками и бросили в кого-нибудь или просто вверх, над головами.

Дети выпрыгивали из санок, в которых их катили мамы или папы и падали, наслаждаясь возможностью прикоснуться к кристально чистой красоте. Погрузиться в неё. В чистоте этой извлекаться.

В метро, в толкучке Валя и Толя доехали до нужной станции и от нее пешком дошли до парка, в котором их встретили шумные скоморохи:

– Подходите! Судари и сударыни! сегодня все для вас! Катание на санях, коньки, горячие блины и шашлыки! Не забудьте про вечерний костер!

Валя в ателье проката взяла финские сани и достала деньги, чтобы расплатиться за них, но Толя не позволил ей, сказав:

– Я все оплачу сам.

Валя села в сани. Толя взялся за поручень саней, поставил одну ногу на длинное полотно, второй ногой оттолкнулся и покатил по накатанной дорожке. Вокруг раздавались веселые крики гуляющих горожан. Погода оставалась чудесной. Пушистый снег без усталости обновлял чистоту и красоту зимнего пейзажа.

– Смотри, – крикнула Валя, – ледяная горка!

Сани Толя поставил так, чтобы они никому не мешали и, взяв Валу за руку, помог ей подняться сначала из саней, а потом в гору, на которой толпилась веселая толпа из ожидающих каждый своей порции удовольствия от спуска с этой высоты. На самой высоте Толя неожиданно для себя обнаружил в самом себе желание быть благородным. Он уступал место рядом стоящим и помогал втянуть в гору сани тем, у кого это плохо получалось.

Когда подошла очередь прокатиться Толе и Вале, они уселись на кем-то выброшенную картонку и с визгом понеслись с горы. Снег летел в лицо. Мимо мелькали веселые лица людей. Горка закончилась мягким сугробом.

– Здорово! – крикнула Валя.

Толя спросил:

– Повторить?

– Да! – крикнула Валя.

Устав кататься с горы, а вернее, подниматься на нее, парочка вернулась к саням, покорно их ожидающим.

– Поехали к шашлыкам, – предложил Толя – я их увидел, пока мы в гору поднимались.

Очередь за шашлыками отстояли длинную. Замерзли жуть, как, но шашлыки на морозе были, ну, очень роскошным развлечением. Так что пасовать перед такой проблемой, как очередь, было нелепо.

Отстоять очередь и потом еще раз выстоять ее, чтобы купить добавки, было еще более нелепым, и Валя, когда их очередь подошла, заказала сразу два шашлыка себе и два Толе.

Толя достал деньги и не очень искренне развеселился:

– Ведь, не съешь же столько!

– Съем, – твердо ответила Валя и с шашлыками отошла к скамейке. Первый шашлык был проглочен в мгновение, но второй на морозе быстро остыл и оказался уже совсем не вкусным:

– Ой, чего-то я не хочу уже. Придется оставить, – расстроилась Валя.

Толя глухо рассмеялся:

– Я же говорил, что не съешь столько.

– Да, и ладно, вон, собаки доедят, – Валя положила остатки шашлыка под скамейку, – куда поедем? Давай я теперь тебя покатаю.

Толя сел на санки, а Валя принялась толкать их по дорожке.

Дорожка оказалась слишком накатанной, такой, что в одном из мест санки заскользили боком в сторону широкой канавы и перевернулись, скинув Анатолия. Вот уж, где было весело по – настоящему. Глубокий снег в канаве не позволил слишком уж легко и красиво выбраться на дорогу. Беспомощные попытки Анатолия вылезти из санок рассмешили не только Валью, но и всех, кто проходили мимо.

День удался. До самого позднего вечера промокшие и замерзшие Валя с Толей праздновали масленицу и не пожалели, что остались до самого конца программы, потому, что, когда стемнело, скоморохи разожгли огромный, заранее сложенный из огромных бревен, костер.

Этот было потрясающее зрелище. Люди грелись, жгли бенгальские огни и взрывали хлопушки.

Очень поздно возвращались Толя и Валя домой.

– Зайдем ко мне? – предложил Анатолий, когда они вышли из автобуса.

– Зачем? – спросила Валя.

– Так просто, посмотришь где я живу.

– Ну, только не на долго.

Скрипучий лифт поднял парочку на нужный этаж. Когда Толя открыл ключом дверь, затхлый запах старых вещей вырвался на лестничную площадку. Валя осторожно шагнула через порог. Она никогда не видела таких ужасных квартир.

– Ты не обращай внимания, – сказал Толя, – мой отец пропивает все, – не разуваясь, прошел к двери комнаты и открыл ее ключом.

– Ты закрываешь на ключ свою комнату?

– Да. Иначе сеструха, когда заезжает сюда, в моей комнате телевизор смотрит. Нечего ей тут делать. Вышла замуж и пусть хозяйничает в квартире мужа.

Анатолий пригласил Валью в комнату, закрыл дверь и принялся расстегивать пуговицы белой рубашки. Девушка почувствовала себя неудобно и отстианилась:

– Я домой пойду. Мама переживает.

4

– Валенька, я встаю завтра в десять. Тебя будить?

– Нет, мамочка. Завтра у меня выходной.

Она закрыла дверь в свою комнату, скинула с себя пушистый халат и в кружевной майке нырнула под теплое одеяло.

Румяная щека коснулась мягкой подушки.

– Как я люблю свою постельку!

Девушке было пятнадцать лет, уже почти шестнадцать. Она заканчивала восьмой класс и строила планы на будущее. Было о чем поразмыслить, решая, идти ли в девятый класс или поступать в техникум, приблизив тем самым свою самостоятельную трудовую деятельность.

Через приоткрытое в комнате окно слышалась музыка, доносящаяся из соседнего двора, а под самым окном тихо разговаривали влюбленные. Чуть слышно шуршали шины проезжающих машин.

Весь этот букет звуков создавал атмосферу мира и покоя. Люди отдыхали.

Мысли отяготили сознание и Валя незаметно уснула. Электронные часы на стене бесшумно отсчитывали время.

Подчиняясь времени, ночь прошла, а утро нового дня яркими лучами весеннего солнца коснулось ресниц. Девушка приоткрыла глаза и взглянула на будильник.

– Что? Девять часов?! Ну, просила же меня не будить!

Валя попыталась снова заснуть, но солнечный свет не сдавался, и Валя, покапризничав, села на край кровати, сунув ноги в мягкие розовые тапочки, которые на днях подарила ей мама, сказав при этом: «Дочка, пусть твоя жизнь будет такой же пушистой и розовой».

На тапочках были вышиты мордочки симпатичных котят. Валя улыбнулась этим мордочкам и направилась в ванную.

Когда Валя привела себя в порядок и пришла на кухню, все в доме еще спали. Спали папа и мама. Спал младший брат Илья. Спала на коврик большая собака Бинго. Она дышала сладко и глубоко.

Валя прошла почти по самой собаке, но та даже не шелохнулась.

Скоро заурчала включенная кофеварка. Кофеварку эту папа привез из одного из своих плаваний. На запах кофе, наполнивший всю квартиру, на кухню вошла заспанная мама:

– Ничего себе! Доченька, у тебя же выходной! Ты почему так рано поднялась?

– Вот такой он у меня мой выходной! Кофе будешь?

– С двойным сахаром. А, вот, тебе не советовала бы день с кофе начинать. Ты же знаешь о своих почках. Тебе диету нужно соблюдать постоянно.

– Тебе кофе в постель? – спросила Валя, не ответив на мамино беспокойство.

– В постели папа отберет, – вздохнула мама, растерянно, пытаясь найти слова, которыми можно было бы убедить дочь беречь себя.

Что – то беспокоило и заставляло подбирать нужные слова. Почему так хотелось поговорить, предупредить? Даже не понимая ясно о чем именно предупредить:

– Доча, ты выросла среди тонких порядочных людей, в чистоте и в красивых вещах и ты не понимаешь, что это маленький остров среди всевозможного беспорядка в этом мире. Выходя на улицу, ты думаешь, что все такие же милые и честные, как и ты, но люди разные. Твоей доверчивостью могут воспользоваться. Использовать твоё незнание мира.

Вошел папа:

– Кофеек? Мне без сахара.

– О! Уже пользуются! – возмутилась Валя, – граждане родители, я кофе-то себе варю. А ваш выходной еще не начался. Вы в десять вставать собирались.

– А ты вообще до одиннадцати сегодня спишь, – сказал папа, усаживаясь за стол.

Валя скрестила руки на груди:

– Раз вы такие, то пока не умоетесь, кофе не получите! В нашем кафе фейс контроль.

Папа мгновенно выскочил из-за стола и кинулся в ванную, по дороге пробурчав:

– И слов-то откуда таких нерусских набралась «фейсконтроль»?

Мама растерянно смотрела на дочку, не зная, как вернуться к начатому разговору, но решила, что момент уже упущен и побежала следом за папой.

Валя, под плеск воды, льющейся из кранов, поставила на стол салфетки, сделала бутерброды и расставила чашки с блюдцами.

В прихожей на коврик заворочалась собака. Она села, широко зевнула и через дверной проем уставилась на Валью.

Валя предложила:

– Иди, Илью буди. Пусть он тебя выгуливает. Я еще сплю.

Собака лениво поднялась и направилась к комнате, в которой обитал Илья, открыла лапой дверь, подошла к дивану и положила свою морду на одеяло.

Илья открыл глаза и лениво положил руку собаке на голову:

– Идем, – сказал он и сполз с дивана.

После не долгих собраний и звона ошейника, хлопнула входная дверь квартиры, а когда Илья с собакой вернулись с прогулки, Валя, мама и папа сидели на кухне вокруг стола и смаковали кофе.

Папа массивный и неторопливый. Мама хрупкая и суетливая, словно боится, что не успеет вокруг папы пробежать круг. Брат взял от папы рост, а от мамы ее хрупкость. Сама Валентина была очень похожа на папину маму. Если бы не современная стрижка, то можно было бы перепутать на фотографиях, где бабушка молодая.

Очень красивая женщина.

Илья фыркнул:

– Как можно начинать утро с такой гадости? Мам, сделай мне какао.

Валя съязвила:

– Тебе со сливками или черный?

– Мне вкусный, – ответил Илья.

Валя допила кофе и поднялась из-за стола:

– Я собрала на стол, а ваш любимый шутник пусть уберет.

– Дочка, – ласково сказал папа, – сегодня будешь болтаться по улицам, заскочи в магазин, купи мне кое что, я список оставлю под сахарницей. Ко мне старый друг приедет.

– Ок! – согласилась Валя и ушла в свою комнату. Там она удобно устроилась за письменный стол и достала из ящика стола дневник. Нужно было произвести запись событий, произошедших за последнее время. Уже начиналась весна, а еще и о зиме не появилось ни строчки.

«Все бы может быть, и ничего», – вооружившись шариковой ручкой, начала Валя, «Но лучше бы я не заходила в его квартиру. Это не дом, а сарай какой-то. С порога упираешься в тумбу, заваленную тряпьем и забитую стоптанными ботинками. На скрипящей обшарпанной вешалке висят немыслимые драповые пальто. Потолок на кухне облеплен паутиной, а в комнате прилично выглядит только телевизор. С него даже протерта пыль. Шумная мама Анатолия назвала меня радостно невесткой и угостила вонючим супом, в котором капуста, картошка и макароны сопротивлялись своему соседству в общем бульоне».

Валя взглянула на свои тапочки и вздохнула:

– Вам бы там не понравилось.

За окном комнаты ясное небо манило на улицу. Валя закрыла дневник, поднялась из-за стола, переоделась в уличную одежду, повесив халат в шкаф, и вышла из комнаты в прихожую.

К входной двери подошла мама:

– Этот мальчик тебе не пара, – сказала она, проникновенно взглянув дочери в глаза.

– Мама, я взрослая, – ответила ласково дочка.

– Это и пугает. Такие люди как он не расстаются со своей обидой. Они мстят.

– Какие люди? – попросила уточнить дочка.

– Обиженные в детстве. Оскорбленные, – пояснила мама.

Валя насупилась:

– Я смогу помочь ему.

– Дочка, не взваливай на себя такой груз. Он непосилен. Тебе пушисто с нами и хочется приключений, подвигов. Любить такого, как Анатолий – подвиг. Только знай, что когда он дорвется до денег, а он до них дорвется, потому как деньги для него решение вопроса самоуважения и уважения в глазах людей, которые с ним не общаются сейчас...

– Мама... – не дала договорить маме Валя.

– Доча, – настаивала на своем мама, – он отомстит тебе за то, что ты совершала подвиг, любя его. Он сделает все, чтобы разрушить в тебе уважение к себе самой. Он обберет твою душу.

– А если, в порядке исключения, произойдет все по-другому и Анатолий оценит то, что я делаю для него?

– Милая, ты это вся моя жизнь.

– Мама, я просто иду прогуляться. На улице весна. Улыбнись, – поцеловала Валя маму в щечку.

Из кухни раздался голос папы:

– Список!

Папа выскочил в коридор и протянул листок бумаги с записями и деньги.

Валя вышла на улицу и побрела по краю тротуара в сторону детского садика, в беседке которого собиралась по вечерам молодежь.

– Валя!

Анатолий шел в старой заношенной куртке, сунув руки в карманы. Давно не стриженные волосы развевались на ветру. Он был очень красивым парнем и Вале не хотелось бы, чтобы он оказался с кем-то другой.

– Куда идешь?

– Гуляю. А ты?

– Я к Женьке, он обещал магнитофон продать по дешевке.

Валя взглянула на рваные кеды Анатолия и спросила:

– А магнитофон – это очень важно для тебя?

Анатолий ухмыльнулся:

– Это круто. Я в следующий раз приглашу тебя к себе и тебе у меня понравится, потому что музыка будет. Музыку все любят.

– А я тишину люблю и шорох листвы и, когда людей слышно, как они разговаривают, проходя под окнами.

– А меня ты любишь? – спросил Анатолий.

Валя рассмеялась:

– Я тапочки свои люблю, а ты к Женьке опоздаешь, пока со мной тут стоишь и ускоришься в направлении к беседке. Через пару минут поднялась на деревянный настил. Было спокойно и светло. Шорох, нагруженных свежей листвой, ветвей, раскачивающихся в порывах тихого веяния ветра, приятно наполнял пространство. Лучи солнца уже не ускользали, а проникали в почву, даря тепло и радость проснувшейся после зимы растительности. Толстый шмель жужжал вокруг желтого цветка. Валя с интересом рассматривала полосатую спинку. К беседке подошли Паша с Алексеем и Валера.

Валера первым поднялся в беседку:

– Сiju дома, смотрю в окно, вижу ты сюда идешь, ну и я тоже. Привет!

– Привет! – перехватил приветствие Паша, тоже поднявшись в беседку. И добавил: – Валя, как наживка.

– Приманка для косяка, – подхватил Алексей.

Девушка, дав возможность каждому высказаться и максимально проявить каждому свой ум, сказала тихо, стараясь не напугать шмеля, продолжающего жужжать рядом и копошиться в желтом цветке:

– Вам всем шуточки, а я не могу решить что с учебой делать. В девятый класс идти или в техникум поступать пробовать? Правда, классная моя заявила, что в техникум я не поступлю, а мама моя сказала, что если я не прекращу растрачивать свое время на беседку, то меня только дворником возьмут. Стоит ли мне тогда вообще учиться а?

– Конечно стоит! – ободрил Алексей Валу, и уселся на скамейку, – знаешь, какая сейчас техника для дворников появилась? Не сразу разберешь какой рычаг для чего.

Паша подхватил:

– Теперь я понял, что именно буду конструировать!

Паша известный на всю округу изобретатель. В его доме все на кнопках через пульт управляется. Даже ящички выдвигаются сами, а из стены полочка с конфетами появляется.

– Я посвящу свою жизнь внедрению технологий, облегчающих работу Вали, то есть, дворников.

– А я, – сказал Валера, – запущу в производство духи, способную перебить профессиональный дворничий запах. Рукавицы свои тебе подарю.

– С красным бантиком, – сказал Паша, – ну, чтоб, красиво было. И на метлу привязать бантик нужно будет. Это же для Вали...

Валя всех выслушала со свойственным ей терпением и очень обрадовалась рукавицам.

Валера почти каждый день зимой приходил к Вале на школьное крыльцо во время большой перемены. Валя выходила в одной школьной форме на мороз и погружала руки в эти прогретые Валериными ладонями меховые рукавицы.

– Спасибо вам, ребята, а замуж меня кто-нибудь возьмет если я дворником?

Ребята замолчали. Паша прервал молчание:

– О! Виталий идет. С гитарой.

Валя повторила свой вопрос, а Валера сказал:

– Может, все-таки, в девятый класс пойдешь?

В беседку поднялся Виталий. Все подвинулись, освободив место на скамейке. Виталий сел и нежно улыбнулся:

– Добрый день, Валенька! Ты почему такая серьезная?

– Меня замуж никто не берет.

Гитарист по-отечески подмигнул:

– Да, стоит ли об этом печалиться? Подумаешь, всю жизнь одна проживешь? Хочешь, я тебе песню спою?

Он провел ладонью по струнам, и все притихли. Песня зазвучала незамысловатая, но такая искренняя!

Виталий закончил петь и теперь просто брэнчал. К беседке подошла школьная Валина подруга Катя. Сложив губки бантиком и, кокетливо поморгав глазками, сказала нежно:

– Ой, Виталечка, как ты хорошо поешь! Пройти мимо невозможно.

– А ты попробуй, – грубо предложил Паша.

Катя сделала вид, что не услышала и сказала Валере:

– Ты такой красивый! Я только на тебя смотрю все время...

Катя слащаво улыбнулась и Валера, не скрыв раздражения:

– Знаешь, если б здесь не было Вали, я бы тебя далеко послал.

Катя фыркнула:

– Валь, и что ты с ними вообще сидишь здесь? Пойдем отсюда.

Алексей аж, привстал со скамейки и ответил за Валу:

– Ты шла куда-то? Иди дальше.

– Да, Катя, продолжай свой путь, не останавливайся. Иди до конца. Не сдавайся, – вдохновил Катю Паша.

Когда Катя, поморгав густо накрашенными ресницами, ушла с высоко поднятой головой, Виталий спросил у Вали:

– Что ты с ней общаешься?

– Одной по школе слоняться что ли? – спросила Валя.

– Учиться в школе надо, а не слоняться по ней, – ответил Валера, – если хочешь, чтоб тебя замуж взяли.

Валя вздохнула:

– Пойду я от вас. Домой. Учебники нужно полистать. Экзамены скоро, а я ни бум-бум.

Паша улыбнулся:

– Да, брось ты, тебя и с нибумбумом любят.

– Ага, а жениться не хотят, – она поднялась со скамейки, сунула руки в карманы пиджака, а в кармане зашелестели деньги:

– Ой, мне же в магазин нужно зайти. Папа просил. Всем, тем более, пока!

Девушка вышла из беседки и направилась в Универсам, а в Универсаме, взяв корзинку, развернула папин список: «лимоны, круглый хлеб, яйца, печень трески, мышеловка...»

Валя остановилась посреди магазина и уставилась в список, прочитав несколько раз: «мышеловка, чернила для печати денежных знаков...»

Догадавшись в чем дело, присмотрелась повнимательнее и обнаружила различие в почерке. Это Илья незаметно приписал в папин список кое что от себя лично. Дополнил список, так сказать.

С листком в руке стояла Валя посреди магазина и с трудом сдерживала смех.

– Девушка, вы если не берете ничего, то дайте другим подойти к товару!

– Конечно! Извините.

Валя шагнула от стеллажа с фруктами. Пройдя по Универсаму, набрав товар и оплатив покупку, вышла из магазина.

Не спеша шла она к дому, шурша пакетом с продуктами. Навстречу ехала легковая машина и Валя, впечатленная маминым рассказом о грозном мире, наполненном непорядочными людьми, представила себе страшную, или тревожную картину: вот, идет она, а машина эта останавливается, дверь распахивается, выскакивает из машины мужик, затаскивает доверчивую Валу в машину и увозит...

От такой фантазии стало беспокойно, а машина действительно остановилась, когда поравнялась с Валей. Дверь машины действительно открылась и из машины действительно выскочил мужик. Валя оцепенела и заморгала глазами. Мужик, раздраженно, спросил:

– Девушка, вы не подскажете, где здесь четырнадцатый дом? Все дворы объездил...

Валя, словно, проснувшись, показала рукой в сторону четырнадцатого дома, после чего быстро направилась к своей парадной, решив, что нечего «ворон считать».

Дома было шумно от дружного смеха мамы, папы и, приехавшего папиного друга по работе, некоего Ивана Ивановича. Все сидели в комнате вокруг накрытого стола.

– Это дочка твоя? – спросил гость, – значит, с ней вы по всем родdomам носились, как оглашенные?

– Так, без прописки нас не брали нигде, – напомнил другу папа, – я из Мурманска только вернулся, документы еще подать не успел, а жена подождать не могла со схватками.

– Красивая у тебя дочка, – улыбнулся Иван Иванович и обратился к Вале:

– В девятый класс пойдешь или профессию уже выбрала?

Валя вежливо ответила:

– Профессию не выбрала и в девятый класс идти не хочу... Мама вот дворником предлагает.

- А папа как? Одобряет? – серьезно спросил гость.
- Папе все равно, он только своим сыном занимается, – ответила Валя.
- Отец, аж подпрыгнул в кресле и задыхаясь от негодования, выпалил:
- Да, как же так можно говорить? Неправду такую! Еще другу моему! Я, Иван всю жизнь мечтал на гитаре играть, ты же помнишь?
- Так, ведь и играл, мы всей командой подпевали, – подтвердил Иван Иванович..
- Это не то! Илюха – талант. Я с пеленок занимаюсь с ним, а сейчас он школу музыкальную заканчивает.
- В разговор вступил Илья:
- И закончил бы с отличием, если бы папочка мой не проводил все свое свободное время со своей любимой доченькой!
- Да, я же, – растерялся папа, – и с дочей и с сыночкой..., тьфу, с сыночкой...
- Илья ухмыльнулся:
- О чем я и говорю. Дочка то и так хороша, нет нужды в ней способности отыскивать, а я, хоть, игрой на гитаре откуплюсь перед народом окружающим.
- Иван Иванович рассмеялся от души:
- Хорошо, когда дети за сердце отца сражаются, а вот мои ничего от меня не хотят. Не лезь, папаня, не вмешивайся и тому подобное. Что нужно сделать, чтобы тебя в твоём доме любили, а? Кто подскажет?
- Наступило молчание, которое нарушил папа:
- Валя, а я тебя в магазин просил, между прочим, сходить!
- Папа! А я в магазин-то ходила! Только мышеловок не было, – ответила Валя.
- Каких мышеловок? – испугался папа.
- Которые ты в список покупок внес.
- Илья резко поднялся из за стола:
- Это... Скоро конкурс по музыке, пойду позанимаюсь, – и вышел.
- Я тоже пойду в свою комнату, – откланялась Валя и тоже вышла.
- Какие мышеловки? – растерянно пробубнил папа.

5

С продвижением весны солнце становилось все смелее и все на большее время задерживалось над землей.

Валя вернулась домой из школы. Мама в дверях, раздраженно сказала:

– Твои уже сидят под окном на жердочке. Ждут. Когда-нибудь неприятностей приобретем себе. Каждый день под окнами.

Дочка подошла к окну на кухне и увидела, что на заборе детского сада сидели Валера, Паша, Леша и Виталий.

Помахала им рукой, ушла в свою комнату и скоро услышала хохот.

Девушка выглянула в окно и увидела, что парни лежали все на земле вверх ногами, а сломанное звено забора валялось под ними.

Валя быстро поела, переоделась и вышла на улицу.

– Даже поесть некогда, – проворчала мама вслед.

Когда Валя подошла к садику, ребята уже поднялись и, придерживая друг друга, не переставали хохотать.

– Сейчас на авторалли едем, – объявил сквозь смех Алексей.

– Чехи приехали, – пояснил Паша.

– Отлично! – сказала Валя, – а интересно, я с вами на авторалли могу пойти, а вы со мной на балет пойдете?

Паша спросил:

– Мы едем или фантазировать тут будем?

Валя:

– Мы едем. И фантазировать будем. А еще вопрос: Толя где?

– Толя после училища подкатит. Опоздает, – ответил Валера.

На место, где проходили гонки, ребята приехали на метро. Из метро, на нужной станции, двигалась толпа народа, жаждущего увидеть чехов, громивших машины.

Зрелище, которое устроили гонщики, действительно стоило того, чтобы его увидеть. Опасные для трюки заставляли народ визжать и охать, а главное, удивляться мастерству спортсменов.

– Вон, Толян идет! – крикнул Валера и принялся махать рукой куда-то в толпу.

Через пару минут рядом с Валею хлопал в ладоши и выкрикивал «Вау», Анатолий. Для него, любителя машин, авторалли было настоящим космосом.

Под конец шоу, один из гонщиков весело, с акцентом обратился к толпе зрителей:

– Сейчас мы приглашаем девушек прокатиться!

Гонщик прошел поперек трека и подошел к Вале, чтобы заманить ее в свою машину.

Валя улыбнулась и растерянно спросила у ребят:

– А что? Может, попробовать? Рискнуть?

– Не бойся! – подзадоривал гонщик.

Валера и Паша грозно взглянули на гонщика, а Виталий сквозь зубы процедил:

– Не там ищешь.

Гонщик отошел от Вали и принялся агитировать других девушек. Две девушки согласились. Дверцы захлопнулись и машины рванули с места.

На огромной скорости пролетели машины три круга по треку, затем опрокинулись на бок и проехали на двух колесах. После остановки с грохотом встали на четыре колеса и дверцы открылись.

Какими вышли девушки, нужно было видеть. Чехам было нагло весело, но настроение у зрителей, сочувствующих неожиданным участницам шоу, было испорчено. Похоже, что одного Анатолия порадовал бледный вид прокатившихся. Все зрители начали молча расходиться. Направились к выходу и ребята.

Доехав в метро до нужной станции, сели в автобус. В этом же автобусе ехала откуда-то Валина классная руководительница. Валя поздоровалась с ней и уставилась в окно.

Вдруг, Валера вскочил с сиденья и заслонил собой окно, в которое смотрела Валя.

Девушка приподнялась, чтобы разглядеть, что там за окном, но Паша закрыл ей глаза рукой. Когда Валя обиженно взвизгнула, что с ними такое, и что они все, как дураки какие-то, Виталий ответил:

– Авария. Тебе лучше не видеть.

Классная руководительница, не молодая незамужняя женщина не сводила глаз с Валентины и ее окружения.

Доехав до нужной остановки, и покинув автобус, ребята проводили Валию до дома. Как только дверь квартиры открылась, подскочил Илья:

– Собака хочет гулять.

Сестра без вопросов пристегнула собаке поводок и вышла. Бинго обнюхал во дворе все кусты и деревья и рванул мордой в сторону прохожего, из сумки у которого торчал батон.

Прохожий не стал оспаривать у огромного пса права на батон, в одно мгновение торчащий в зубах этого пса.

Валя попыталась извиниться, но прохожий слишком скорым шагом ушел.

Бесстыжего Бинго девушка ругала всю дорогу обратно к дому и в лифте, пока они поднимались на свой этаж.

Двери лифта раскрылись а на площадке ждала лифт женщина с ребенком, которому было годика три примерно. Мама этого малыша, увидев морду огромного пса, упирающуюся прямо в лицо ребенка, замерла от страха, а ребенок мило улыбнулся, поднял ручку и указательным пальчиком ткнул собаку в ее влажный нос, весело сказав:

– Ав- ав!

– Ну, да, выговорила мама малыша, – правильно. Это собака.

– Бесстыжая и наглая, – сурово добавила Валя.

Уже дома, пока счастливый пес объедал батон со всех сторон, словно косточку, Валя продолжала ругаться:

– Стыдхуа какая! Никогда больше не стану этого наглого пса выгуливать! Тебя Илье покупали, пусть он за тебя и отвечает!

– Что случилось? – спросила мама, выглянув из кухни.

Валя пылко ответила:

– Бинго этот нахальный взял и батон у бедного прохожего выхватил. Я от стыда не знала куда спрятаться.

– Би-инго... – покачала головой мама, – ну и как же тебе не стыдно?

Бинго, набив полную пасть булкой, виновато смотрел на всех, прижав морду к полу.

Во входной двери забренчал ключ и через секунду в квартиру вошел бодрым шагом папа. Он скинул пиджак, повесил его на плечики в прихожей, причесался, мельком глянув на себя в зеркало и направился в сторону кухни. Проходя мимо Бинго, папа деловито спросил у всех:

– А чего вы над собакой издеваетесь? Булку всухомятку ест бедный, хоть бы просто квашки ему налили. Иди мой хороший песик, я тебе вкусно сделаю.

Собака с преданным выражением в глазах послушно зашагала к кухне, и вскоре стала с наслаждением прислушиваться к хлопкам дверцы холодильника.

Но Валин голос прервал наслаждения собаки:

– Ты собаку прикармливаешь, а батон-то добыт посредством грабежа, между прочим!

Отец даже не собирался верить такой неправде и сказал собаке, поджавшей хвост:

– Ешь спокойно. Женщины любят все преувеличивать. Чтобы мой Бинго стал грабителем? Не поверю этому никогда.

6

В школе на следующий день после случайной встречи в автобусе, классная руководительница, учительница по алгебре и геометрии, к огорчению Валеры, ждущего на крыльце, оставила Валью на большой перемене для серьезного разговора:

– Тебе не стыдно разъезжать по городу в толпе гопников? Я о тебе такую характеристику напишу, что тебя ни в одну путягу не возьмут не то чтобы в техникум или в девятый класс. Нужно сказать, что в действительности ребята на гопников похожи не были ну никак. Красивые, модные, вежливые. Что еще нужно для компании, которую смело можно назвать приличной?

– Спасибо Вам, – ответила Валя, – вы не жалеете времени на своих учеников.

Классная руководительница сморщила свой некрасивый нос и принялась долго и напористо разглагольствовала о морали и добрых нравах, о правилах приличия и о тургеневских женщинах и еще о чем-то из темы опасного возраста.

Когда прозвенел звонок на урок, одноклассники вошли в класс, заняли свои места, а учительница все не заканчивала разговор и, наконец, сказала:

– Сейчас ты дашь мне свой дневник и я твоим родителям напишу, чтобы они знали чем ты в свободное время занимаешься.

Валя вежливо отказала:

– Мне ещё в первом класса объяснили, что дневник исключительно для оценок. Это мой документ, а в документах нельзя рисовать рожицы и приписывать лишние слова.

– Я не начну урок, пока ты не положишь дневник мне на стол! – рассвирепела алгебраичка.

Валя молчала и, когда времени на молчание было потрачено слишком много, учительница выкрикнула:

– Выйди из класса! Уродина! Войдешь через десять минут!

Валя вышла. Уродиной ее никто никогда не называл. Может все врал? В пустом коридоре у окна стоял Валера.

– Ты здесь?

– Ты ж на перемене не вышла, я решил выяснить в чем дело.

Валя рассказала о разговоре с училкой. Валера выругался:

– Она ревнует и завидует.

– Да, брось ты, она взрослый человек! Делить нам с ней нечего. Она меня уродиной назвала.

Валера весело рассмеялся и, заглянув Вале в глаза, очень ласково, по-отцовски, повторил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.